

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПЕРВЫХ САТИР КАНТЕМИРА

Среди известных ныне рукописей, содержащих сатиры Кантемира, сохранился список, заключающий одну только I сатиру «На хулящих учение». В свое время Т. Глаголева¹ обратила на него внимание, отметила кое-какие особенности текста, но в целом не придавала ему серьезного значения. Указанный список хранится в рукописном отделении Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде (БАН, ф. 1. оп. 1. № 22). Рукопись представляет собой тетрадку, состоящую из 8 листов в четверку. На первой странице — заглавие сатиры: «На хулящих учение». Автор не указан. На обороте 8 листа после текста сатиры помещена эпиграмма «Сатира к читателю»: «Кольнул тя? молчи»... и т. д. Этими произведениями исчерпывается состав списка. Обычно в первоначальной редакции текст I сатиры сопровождается предисловием и примечаниями; в списке их нет. Текст сатиры здесь короче, чем в названной редакции. В последней насчитывается 186 стихов, между тем в списке их всего 168, т. е. на 18 стихов меньше. Сатира начинается со стиха: «Никаков плод, все кричат, не видим с науки...» (в первоначальной редакции — это стих 15), т. е. непосредственно с изложения взглядов «хулителей науки». В списке недостает известных по первоначальной редакции 14 стихов, составляющих своего рода введение к сатире, где содержатся обращение к «уму», упоминание о «младом монархе» (Петре II). В соответствии с этим в списке отсутствует второе заглавие сатиры: «К уму своему». Кроме того, в нем нет еще двух стихов (23—24 в первоначальной редакции). Эта последняя особенность встречается еще в некоторых списках.²

Следует отметить варианты текста. Так, например, стихи 57—62 первоначальной редакции в списке существенно варьируются.

Первоначальная редакция	Текст списка
Завистный, видя в ином, что сам не имеет,	Завистный, в ином зря, что в себе не находит,
Вредный нося в сердце яд, злы плевелы сеет,	Хулит знание и мысль свою так доводит:
Ищуши семя наук учинить бесплодно, Без стыда гремя слово, древним глупцам сродно.	Живали мы преж сего, не зная латыне,
Живали мы, — говорит, — не зная латыне	Хотя просты, — говорит, — лучше нежли ныне.
Преж сего, хотя просты, лучше, нежли ныне.	

¹ См.: Т. Глаголева. Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1906.

² Например, в рукописном сборнике, хранящемся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ, собр. Вяземского, F, СХХIV).

Ср. также стихи 121—125 первоначальной редакции с соответствующими стихами в списке:

Первоначальная редакция	Текст списка
Когда по небу сохой бразды водить станут,	Когда небо, оралом секомо, стени Будет, земля повсюду звездами
А с поверхности земли звезды уж проглянут,	К ключам своим быстрыя станут течи реки,
И будут тещи к ключам своим быстры реки,	Возвратятся к нам паки прошедшие веки.
И возвратятся опять к нам минувши веки,	Дунай мутный протекать престанет черз Вену...
Когда Дунай протекать престанет черз Вену...	

Отмеченные варианты представлены и в некоторых других списках. Кроме упомянутого сборника из собрания Вяземского, они встречаются еще в уцелевших отрывках рукописи, хранящейся среди автографов Кантемира в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это обстоятельство чрезвычайно важно, поскольку текст приведенных отрывков является совершенно бесспорно авторизованным (на отдельных листах содержатся пометки и поправки, сделанные рукою сатирика). Отсюда можно заключить, что данные варианты не являются произвольными изменениями, внесенными кем-либо из переписчиков, а санкционированы волей самого автора.

Таковы основные особенности исследуемого списка.

В «Изъяснении» к первоначальной редакции I сатиры Кантемир сообщает: «Автор наш, сочиня сию сатиру, не много себе ею льстил, так что с трудом одному приятелю ее показал, который ее списать выпросив, показал преосвященному архиепископу Феофану». В «Примечаниях» к окончательной редакции содержится важное дополнение: там указывается, что Феофан Прокопович «ее (т. е. I сатиру, — Э. Г.) везде с похвалами стихотворцу рассеял». Из этого явствует, что I сатира уже вскоре после создания распространилась среди читателей и что, следовательно, существовали списки, содержавшие одну только I сатиру.

Отмеченные выше особенности анализируемого списка дают все основания утверждать, что он представляет один из таких ранних списков I сатиры. Об этом свидетельствует прежде всего его содержание: оно ограничивается текстом одной только I сатиры, тогда как остальные известные списки заключают, как правило, текст всего первоначального цикла из пяти сатир. Кроме того, в списке, как указывалось, отсутствуют предисловие и «Изъяснения» — обычные, принадлежности первоначальной редакции, появившиеся, несомненно, позднее, когда оформился весь цикл ранних сатир, т. е. не ранее 1731 года. Показательно также, что в списке не назван автор сатиры.³ (Ср. «Изъяснения» к первоначальной редакции, где говорится о сокрытии автором своего имени «по обычаю всех почти сатириков»). Язык сатиры в списке более архаичен, чем в первоначальной редакции. Об этом можно судить по цитированным вариантам. Ср.: «в ином зря» — «видя в ином»; «когда небо оралом секомо стени будет» — «когда по небу сохой бразды водить станут»; «возвратятся к нам паки прошедши веки» — «И возвратятся

³ В списках, содержащих сатиры в первоначальной редакции, имя автора либо называется полностью, либо обозначается криптонимом «К. А. К.», т. е. «Князь Антиох Кантемир». (См., например, сборники ГПБ: ОЛДП, Q. CXLVIII; Q. XIV, 6; Q. XIV, 122 и др.).

опять к нам минувши веки». В цитированных вариантах текст первоначальной редакции характеризуется большей ясностью, точностью, ближе к разговорной речи, чем текст списка. Наконец, следует учесть и тот факт, что 14 вводных стихов первоначальной редакции, отсутствующие в данном списке, прочно удерживаются (при некоторых стилистических изменениях) вместе со «вторым» заглавием во всех позднейших редакциях текста I сатиры, вплоть до окончательной. Это доказывает, что начальные 14 стихов, а с ними и «второе» заглавие сатиры — позднейшего происхождения.

Все это вместе взятое позволяет заключить, что рассматриваемый уникальный список представляет более ранний текст I сатиры, нежели тот, который известен под названием первоначальной редакции.

* * *

Изложенные факты позволяют уточнить хронологию работы Кантемира над I сатирой. В авторском «Изъяснении» (в первоначальной редакции) указано, что «сатира сия сочинена в конце 1729 года.⁴ В примечаниях к окончательной редакции этой сатиры находим дополнительное указание: «... в двадцатое лето его (т. е. автора, — Э. Г.) возраста» (т. I, стр. 22). На первый взгляд, последнее указание противоречит вышеприведенному: в современной биографической литературе о Кантемире датой его рождения принято считать 10 сентября 1708 года, и при таком расчете его двадцатилетие приходится на 1728, а не на 1729 год. Однако в свидетельствах Кантемира противоречия нет. Сам он считал днем своего рождения 10 сентября 1709 года (т. I, стр. 159), и, с его точки зрения, «двадцатое лето» исполнилось 10 сентября 1729 года, что согласует оба свидетельства.

Общее указание о том, что I сатира создавалась «в конце 1729 года», можно теперь уточнить, приняв во внимание существование самой ранней ее редакции. Эта последняя, как уже отмечалось, не имела четырнадцати стихов, которыми начинается сатира в первоначальной редакции. Появившееся позднее начало сатиры содержит важную хронологическую примету: упоминание о «молодом монархе» (ст. 7). В примечаниях к данному стиху Кантемир пишет: «Петр II вступал тогда в пятое-надесять лето его возраста, рожден быв 1715 года октября 12» (т. I, стр. 195). Из этого можно заключить, что начальные четырнадцать стихов появились не ранее 12 октября 1729 года, когда отмечалось вступление Петра II «в пятое-надесять лето». Эта дата служит хронологическим рубежом, отделяющим самую раннюю редакцию I сатиры от первоначальной. Самая ранняя редакция, несомненно, была создана до 12 октября 1729 года.⁵

Что же касается так называемой первоначальной редакции, то она, бесспорно, оформилась после 12 октября 1729 года. Не следует пренебрегать и следующим обстоятельством. В двух списках, хранящихся в рукописном отделе ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина,⁶ мы встречаем на титульных листах такое обозначение I сатиры:

⁴ А. Д. Кантемир, Собрание сочинений. Под ред. П. А. Ефремова, т. I, СПб., 1867, стр. 195. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и стр.

⁵ Возможно, и до 10 сентября, если буквально толковать утверждение Кантемира, что сатира была написана «в двадцатое лето», т. е. в год, закончившийся 10 сентября 1729 года.

⁶ Сборники: G, XIV, 22 и F, XIV, 3. Оба списка относятся к 1733 году, о чем свидетельствуют имеющиеся на них надписи. Списки отличаются большой исправностью текста. По нашему мнению, последний из названных списков, судя по почерку и подписи (М. Л.), принадлежал М. В. Ломоносову.

Satyra Russica in Contemptores Scientiarum. Autore Celiss.

Princ. Antiocho Cantemirio. Mense Decemb. Anno 1729.

Таким образом, представленная здесь первоначальная редакция I сатиры датируется декабрем 1729 года. Мы полагаем, что, исходя из этих данных, вполне возможно датировать работу Кантемира над первоначальной редакцией периодом между серединой октября и декабрем 1729 года, но уж во всяком случае не позже 18 января 1730 года — дня кончины Петра II.⁷

Наблюдения над известным текстом II сатиры приводят к заключению, что она также имела более раннюю редакцию, чем так называемая первоначальная.

В начальных строках II сатиры (в первоначальной редакции) Аретофинос обращается к Дворянину с такими словами:

Что так смутен, друже мой? весь в знаках печали:

Бледен, очи все в слезах, темны, красны стали;

Задумчив, как хотевший патриархом стати,

Когда лошади свои раздарил некстати...

Известно, что в последних двух стихах Кантемир имел в виду Георгия Дашкова, архиепископа Ростовского, добивавшегося восстановления патриаршества с тем, чтобы самому занять патриарший престол. Стремясь склонить на свою сторону влиятельных лиц и в первую очередь временщиков при Петре II — Алексея и Ивана Долгоруких, — Дашков дарил им лошадей, которых добывал, как впоследствии выяснилось, незаконными путями. После воцарения Анны Иоанновны Дашков попал в опалу: указом от 21 июля 1730 года он был уволен из синода, а 24 октября того же года последовал указ императрицы о производстве следствия по делу о разорении Ростовской епархии. В процессе следствия выяснилась и история о взятках лошадьми. 8 декабря 1730 года Дашков за дело о взятках был лишен сана и сослан в каменный Вологодский монастырь.⁸

В цитированных стихах обо всей этой истории говорится в прошедшем времени («...хотевший патриархом стати, Когда лошади свои раздарил некстати»). Следовательно, стихи эти могли быть написаны никак не ранее конца 1730 года. Между тем, по свидетельству Кантемира, да и по другим данным, II сатира была написана через два месяца после I сатиры, т. е. в самом конце 1729 года или же в начале 1730 года (не позже февраля) и, разумеется, не могла в своем изначальном тексте содержать стихи, заключающие намек на злополучную историю Дашкова. Уже один этот факт говорит о том, что и II сатира имела более раннюю редакцию, отличавшуюся от первоначальной.

Для решения вопроса нужно принять во внимание также следующие факты.

В сборнике богословских трудов, хранящемся в Государственной публичной библиотеке Академии наук УССР (Киев) под шифром № 87, между листами 154—155 основного текста вшиты 12 листов, отличных по формату

⁷ Следует оговориться, что, устанавливая верхнюю хронологическую границу, мы имеем в виду возможность дополнения самой ранней редакции начальными четырнадцатью стихами, составляющими главную особенность первоначальной редакции. О времени появления других особенностей первоначальной редакции судить трудно. Не исключено, что эта редакция явилась результатом многократных частичных переработок самой ранней редакции, производившихся в разное время до конца 1731 года.

⁸ См. об этом: И. А. Чистович. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868, стр. 286—292.

(в четверку) и бумаге от всего сборника. На этих то листах помещен текст II сатиры Кантемира, озаглавленный здесь так: «Сатира вторая против тех, которые лишены будучи всякого благонравия одним благородием хвастают». Имя автора не названо. Сатира снабжена «Примечаниями», текст которых существенно разнится от известных нам «Изъяснений» первоначальной редакции, а также от «Примечаний» окончательной редакции.

Вот начало «Примечаний» этого списка: «Аретофил имя греческое, значит который добродетель любит. Надлежит знать, что сатира сия писана на образ разговора между Аретофилом и дворянином. Зачата автором в прошлом году, а окончена в начале 1730 года и есть вторая его трудов, как с надписания видеть можно. Намерен он в сей обличить тех дворян, которые все свое достоинство в благородии поставляют, а всякое презирают благонравие. И для того не думало б дворянство, что он их такому преимуществу хотя малый тою ущерб учинить хочет. Не дворянству бо насмеяется, но тому, кто прерогатив дворянства худо употребляет и не сущее ему свойство придает. Доброта бо человек от добрых нравов, а не от титула зависит. Знает он и сам, что честь дворянства и красива и правдиво в украшение себе всяк употребить может, да тогда только, когда благонравие благородию соответствует».

Существенно отличается и текст сатиры. Он в этом списке короче текста первоначальной редакции. В списке всего 254 стиха (в первоначальной редакции — 318 стихов, а в окончательной — 376). Сатира в списке заканчивается стихом, соответствующим 268-му стиху первоначальной редакции. Весь конец последней (от 269-го до 318-го стиха) отсутствует. Возможные подозрения, что список обрывается вследствие утери последних листов или недописан переписчиком, надо исключить. Внизу оборотной стороны 12-го листа после 254-го стиха с отступом от текста тем же почерком сделана надпись: «Конец». По сравнению с первоначальной редакцией в тексте списка недостает отрывка начиная со стиха 239-го и кончая стихом 254-м (по нумерации первоначальной редакции). В то же время в списке имеются два стиха, отсутствующие в первоначальной редакции. Они вставлены после стиха 36-го в речь Дворянина. Вот они:

Давшего мне жизнь отца имя столь сияло,
Что в мзду за труды его лавров не хватало.

В списке встречается и перестановка стихов по сравнению с первоначальной редакцией. Так, стихи 187—188-й (в первоначальной редакции) в списке следуют после 190-го стиха. В отдельных стихах выдержан иной порядок слов (например, в стихе 5-м списка — «Худ и сух», в первоначальной редакции — «Сух и худ»).

Указанные отличия позволяют рассматривать текст сатиры по названному списку в качестве самостоятельной редакции, более ранней, чем первоначальная редакция. Вместе с тем названный список не является самым ранним текстом сатиры. Это видно из того, что и в списке начальные строки содержат намек на Георгия Дашкова и его неблагоприятные деяния. А этот намек, как мы уже говорили, мог появиться только в конце 1730 года. В цитированном «Примечании» данного списка заключены прямые хронологические указания. Здесь говорится о том, что сатира «зачата автором в прошлом году, а окончена в начале 1730 года». Это очень важное уточнение по сравнению с примечанием к окончательной редакции о том, что II сатира «писана месяца два спустя после первой». Такое уточнение могло быть сделано только самим автором. Оно не только вполне согласуется с приведенными нами выше соображениями о хронологии работы сатирика над I сатирой, но дает дополнительные аргументы в их пользу. В частности, указания на декабрь 1729 года, как на дату завершения работы над I сатирой, получает тут новое обоснование. С другой стороны, поскольку в «Примечаниях» анализируемого списка о 1729 году

говорится как о «прошлом годе», сами эти «Примечания», а соответственно и текст списка не могут быть датированы позже, чем 1730 годом. Мы полагаем, что данный список представляет собой как раз то состояние сатиры и примечаний к ней, какое определилось именно к концу 1730 года, когда стала известна во всех деталях и последствиях история с Дашковым.

В примечаниях к собранию стихотворений Кантемира, изданном в большой серии «Библиотеки поэта» (Л., 1956), а еще раньше в кандидатской диссертации (1952) мы высказали предположение о существовании более раннего текста II сатиры, отличавшегося от так называемой первоначальной редакции, но были вынуждены оговориться, что текст этого более раннего текста до нас не дошел. Теперь, после исследования названного списка, оговорку эту можно снять, а высказанное предположение рассматривать как установленный факт. Однако как всегда бывает, действительность оказалась более сложной, чем это можно было представить. Киевский список еще не отражает первичного состояния сатиры. Это видно из того, что в нем начальные строки (как и в первоначальной редакции) содержат упоминутый выше намек на Георгия Дашкова. Намек же этот мог появиться только в конце 1730 года. Следовательно, начало сатиры к моменту ее создания на рубеже 1729 и 1730 годов безусловно отличалось и от так называемой первоначальной редакции и от редакции вышеописанного киевского списка.

Условимся называть текст сатиры, как он определился к началу 1730 года, самой ранней редакцией. В известных нам списках она не представлена. Важно, однако, обратить внимание на некоторые факты, имеющие отношение к данной редакции (по крайней мере, к началу сатиры).

В свое время В. Н. Перетц в статье «Неизвестные подражатели Кантемира» опубликовал сатиру анонимного автора «На скупого человека». Сатира эта — явное подражание Кантемиру, а ее первые десять стихов весьма близки известному теперь началу II сатиры в так называемой первоначальной редакции.

Вот стихи из сатиры «На скупого человека»:

Что так, друже, смутен стал, в знаках весь псчали?
 С брюхом отчего глаза так глубоко впали?
 Где цветуща красота, очей нежны взгляды,
 Что печален, смутен весь, без всякой отрады?
 Как подьячий сух и худ в вотчинном приказе,
 Сулена что пред судьей грозна смерть в указе.
 Иль товары с кораблем на мори разбиты,
 Иль приказчики в пути от воров убиты?
 Что ж молчишь? Ну, говори, иль тебя покину.
 — Постой, выслушай: скажу скорби сей причину.⁹

В. Н. Перетц, сравнив это начало с текстом II сатиры Кантемира в первоначальной редакции, пришел к выводу, что подражатель «перефразировал в пародическом... стиле», в «вульгарных выражениях» первые два стиха кантемировской сатиры и заимствовал из последней сравнение, содержащееся в 5-м и 6-м стихах. В остальном, по мнению исследователя, «аноним свободно развивает тему» и «совершенно отходит от образца в отношении содержания, сохраняя сходство в приеме...».¹⁰

⁹ «Известия по русскому языку и словесности АН СССР», 1928, т. 1, кн. 2, стр. 341.

¹⁰ Там же, стр. 349.

И. В. Шкляр уточнила вопрос,¹¹ установив, что восемь из десяти начальных стихов этой подражательной сатиры (за исключением стихов 7—8-го) представляют собой контаминацию стихов из II сатиры Кантемира и его же перевода сатир Буало.¹² Подытоживая свой анализ, И. В. Шкляр пришла к следующим заключениям: «Из всего этого следует, что неизвестный автор подражал Кантемиру — творцу II сатиры и переводчику Буало. Может быть, он знал оба источника. Но возможно и другое. До нас не дошла самая ранняя редакция II сатиры Кантемира... Э. И. Гершкович нашел раннюю редакцию I сатиры и убедительно обосновал необходимость существования такой же редакции и II сатиры. Нам известно о ней лишь то, что в ней не могло быть двустишия, содержащего намек на Георгия Дашкова. Но, кажется, в начальных стихах сатиры „На скупого человека“ сохранена часть этой ранней редакции».¹³

Как видим, исследовательница допускает две возможности: первая — подражатель знал оба источника (т. е. II сатиру и переводы из Буало) и сам их сконтаминировал; вторая — подражатель заимствовал готовое начало из недошедшей до нас наиболее ранней редакции II сатиры. Какой из этих возможностей исследовательница отдает предпочтение — неясно. Думаем, однако, что первая возможность менее вероятна. Переводы Кантемира из Буало, как об этом свидетельствует единственный дошедший до нас список,¹⁴ остались незаконченными и в силу этого не имели широкого распространения. Поэтому само знакомство подражателя с переводом из Буало — вещь мало вероятная. Но если даже допустить, что оно имело место, то придется сделать еще одно — не более вероятное — предположение: подражателю зачем-то понадобилось изъять из текста II сатиры весьма колоритные строки о Георгии Дашкове.

Иное дело допущение того, что цитированное начало из сатиры «На скупого человека» заимствовано подражателем из самой ранней редакции II сатиры Кантемира. В этом случае отсутствие в тексте намеков на Георгия Дашкова представляется не странным, а естественным и закономерным: к началу 1730 года, когда создавалась самая ранняя редакция II сатиры, эти намеки и не могли попасть в ее текст.

Естественной и закономерной представляется в данном случае также трактовка начала сатиры «На скупого человека» как контаминации стихов и из перевода III сатиры Буало и из II сатиры Кантемира в первоначальной редакции. Напомним, что сам Кантемир в «Изъяснении» к последней свидетельствовал: «Что же сатира сия разговором писана, то учинено с образца третьей сатиры Боаловой» (т. I, стр. 214). Если же Кантемир, создавая свою II сатиру, сознательно ориентировался на III сатиру Буало, вполне логично, чтобы он использовал ряд стихов и выражений, восходящих к его же переводу из французского поэта. Понятно также, почему начало сатиры «На скупого человека» ближе к переводу из Буало и содержит больше сходных с ним мест. Так и должно быть по логике вещей: самая ранняя редакция

¹¹ И. В. Шкляр. Приписываемые А. Д. Кантемиру переводы сатир Буало и оригинальные сатиры Кантемира. В кн.: Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 253—254.

¹² О принадлежности этого перевода Кантемиру см. там же, стр. 250—252; а также наши примечания в книге: «Антиох Кантемир, Собрание стихотворений (Библиотека поэта. Большая серия). Изд. «Советский писатель», Л., 1956, стр. 498—500.

¹³ И. В. Шкляр. Приписываемые А. Д. Кантемиру переводы сатир Буало и оригинальные сатиры Кантемира, стр. 254.

¹⁴ ГПБ, Собр. Вяземского, F, СХХIX.

II сатиры испытывала большую зависимость от французского источника, чем первоначальная редакция, представляющая последующую фазу творческой работы русского сатирика.

Наконец, деталь, хотя и незначительная, но в общем контексте приведенных соображений показательная. В. Н. Перетц, как мы видели, считал, что вторая строка сатиры неизвестного автора вульгаризует и пародирует соответствующие стихи II сатиры Кантемира. И. В. Шкляр выдвинула другое предположение: «По-видимому, эта строка взята в таком виде из самой ранней редакции II сатиры Кантемира. В редакции же 1730 года Кантемир дал ее в улучшенном виде».¹⁵ Мы полагаем, что И. В. Шкляр права, но она не подкрепила своего мнения никакими аргументами. Для решения вопроса следует принять во внимание переработки этой сатиры в различных позднейших редакциях.

В сатире «На скупого человека» начало таково:

Что так, друже, смутен стал, в знаках весь печали?
С брюхом отчего глаза так глубоко впали?

В так называемой первоначальной редакции 2-я строка совершенно изменилась: «Бледен, очи все в слезах, темны, красны стали». В найденном нами авторизованном списке сатир первоначальной редакции рукою Кантемира первые два стиха переправлены и читаются так:

Что так смутен, друже мой, щеки все опали?
Бледен и глаза красны как бы ночь не спали?

В Курбатовской рукописи варианты незначительны: «дружок мой» и «щеки *внутри* опали». С этими вариантами стихи перешли в окончательную редакцию.

Из всех переработок явствует, что нет оснований рассматривать 2-ю строку сатиры «На скупого человека» как плод чьей-то вульгаризации и пародирования кантемировского стиха из первоначальной редакции. Стремление выразить горестное состояние персонажа через внешние признаки худобы, как видим, было одной из забот Кантемира и на позднейших этапах творческой работы над сатирой. Ему не сразу удалось осуществить свой замысел. Первая попытка была сделана в самой ранней редакции, но грубоватая форма стиха, по-видимому, не удовлетворила поэта, и при создании первоначальной редакции он вовсе отказался от своего намерения. Но затем, на последующих этапах работы он возвратился к оставленному замыслу. При этом поэтическая мысль стала восстанавливать и отдельные словесные формы, уже испытанные ранее. Ср. «Брюхо и глаза... *глубоко впали*» — «*Щеки все опали*» — «*Щеки внутри опали*» (характерно вынесение слова «опали» в рифму). «Глаза», замененные в первоначальной редакции «очами», вновь вернулись в текст.

¹⁵ И. В. Шкляр. Приписываемые А. Д. Кантемиру переводы сатир Буало и оригинальные сатиры Кантемира, стр. 254. Здесь неточно указано: редакция 1730 года. И самая ранняя редакция тоже датируется 1730 годом. В данном случае исследовательница имела в виду так называемую первоначальную редакцию, определяющуюся не ранее конца 1730 года. Заметим еще одну неточность. На стр. 249 статьи читаем: «В октябре—декабре 1729 г. начинают расходиться в списках две первые сатиры двадцатилетнего Кантемира». По отношению ко II сатире это утверждение вряд ли справедливо. К тому же сама исследовательница на стр. 254 принимает нашу датировку самой ранней редакции II сатиры — начало 1730 года. В свете приведенных данных из киевского списка эта последняя дата представляется теперь вполне обоснованной.

Эти соображения позволяют, на наш взгляд, заключить, что 2-я строка из сатиры «На скупого человека» действительно принадлежала Кантемиру и заимствована подражателем из самой ранней редакции II сатиры.

Подытоживая сказанное, можно прийти к следующим выводам.

До создания первоначальной редакции Кантемир дважды обращался к тексту II сатиры, изменяя и дополняя его.

Первый этап работы (результатом которого явилась *самая ранняя редакция*) можно датировать концом 1729—началом 1730 года. В данной редакции несомненно должны были отсутствовать намеки на Георгия Дашкова. Весьма вероятно, что начало сатиры в данной редакции соответствовало началу сатиры «На скупого человека».

Второй этап относится к концу 1730 году. Созданный на этом этапе текст сатиры представлен анализированным выше киевским списком ГПБ АН УССР.

Третий этап следует датировать концом 1730—1731 годом, когда Кантемир занимался оформлением всего цикла пяти сатир, написанных им до отъезда за границу. Только на этом, *третьем* этапе определился текст так называемой первоначальной редакции.

Хотя приведенные выше данные касаются лишь первых двух сатир, они тем не менее важны для характеристики работы Кантемира над всем рукописным циклом «русских» сатир. Данные эти свидетельствуют о том, что история текста сатир, а равно и их творческая история были гораздо более сложными, чем это принято было считать до сих пор.
